

1. Любка, соседка

Длинная серебристая рыбина легла на дно глиняной миски. Понятия не имею, как она называется. Знаю только, что она морская и что все в деревне, кто отоваривается в местном магазине, накупили этой рыбы. Кто будет солить, а кто жарить, как я. Я, к примеру, тоже умею солить рыбу, да только в жареном виде она мне больше по душе.

Хорошо, что хотя бы мои внутренние монологи не шепелявят, как мой беззубый рот.

Ну да, я пьяница. И что с того? Теперь мне уже обратной дороги нет. Все знают, что Любка Загуменнова — горькая пьяница. И мало кто помнит, что когда-то я работала в местной библиотеке. Ровно до тех пор, пока не умер мой муж, Федор. Вот как его не стало, и меня, почитай, тоже не стало. Водка спасает. От вина голова болит, а от водки — нет. Больше мне и прибавить нечего. Я люблю покой, свою розовую шерстяную кофту, длинную серую юбку, толстые носки и удобные резиновые калоши. В калошах я хожу по двору, а как вхожу в дом, так разуваюсь. И остаюсь в одних носках. Но они сваялись

и стали толстые, как тапки. Вы, конечно, хотели бы услышать, что я раскаиваюсь, что я презираю себя за тот образ жизни, который веду, что пью. Не дождетесь. Это моя жизнь, и то теплое болото, в котором я оказалась, меня вполне устраивает. Помните Франсуазу Саган? Когда ее спрашивали о наркотиках, она, стоя на пороге собственного дома, отмахивалась от назойливых доброжелателей, мол, какого дьявола вы ко мне пришли и какое вам дело до того, как я живу. Это мой дом, моя жизнь, и нечего совать туда свои любопытные носы. Вот так. Поэтому, оглядываясь на кумиров, предлагаю всем сказать себе: это не наше дело. И это будет правильно. У вас своя жизнь, у меня — своя. Ну да, я пропила остатки своих мозгов. Однако не до такой степени, чтобы не разглядеть ночью в окно при свете подлого уличного фонаря (который освещает не только мой захламленный двор, но и чужие злодеяния) детскую коляску с торчащими из нее женскими ногами. Или свисающими... Сначала ноги торчали, потом свисали, словно колясок две, хотя на самом деле она была одна, я так думаю. И я знаю эту коляску. Все ее знают. И проезжала-проплывала она мимо меня два раза. И толкала ее впереди себя женская темная фигура. Как в театре теней. Женская, потому что на ней была шляпка. Идиотская такая. Понятное дело, прохладные нынче вечера. Конец августа...

2. Глафира

Лиза выиграла дело, и нас пригласили в Идолгу, на рыбалку.

Живописный берег реки, дивные зеленые заливы, синее небо, запах тины и рыбы, дымка и зажаренного на углях мяса. Холодное пиво, вино, счастливые лица тех, кто прежде называл себя защитными адвоката Лизы Травиной. Тишина вокруг была необыкновенная. И не было той легкомысленной музыки и суеты, которые обычно сопровождают веселые пикники. Чувствовалось, что люди просто расслабились после адской нервозности, что просто радуются жизни, но как-то осознанно, серьезно. Что каждый глоток воздуха — как глоток свободы. Сладкой и еще недавно кажущейся невероятной, несбыточной, как мечта.

История была нелепая, некрасивая, стыдная даже какая-то.

Владимир Александрович Кузнецов, бизнесмен, хозяйственник, глава района, человек предприимчивый, справедливый и щедрый, был обвинен в краже. Он якобы украл крупную сумму денег у своего попутчика, ехавшего вместе с ним в одном купе поезда Саратов — Москва. Душевный разговор под стук колес, мелькание спокойных степных пейзажей в окне с нарядными шелковыми занавесочками, водочка, колбаска, огурчики... Гадкая, мерзкая история, которая свела на нет все то ду-

шевное, славное, что объединило двух сильных мужчин и могло бы положить начало крепкой дружбе... Попутчик, обнаружив утром пропажу денег, сразу же, забыв обо всем хорошем, что было произнесено и прочувствовано за рюмкой водки, указал на Кузнецова...

Лиза, взявшаяся за расследование негласно, параллельно с официальным следствием, как она это делала часто, помогла разобраться в деле, безошибочно вычислила вора, который сошел в Тамбове, предварительно обчистив едва ли не весь вагон...

...Тишину благодарственного пикника, наполненного беззаботным смехом кузнецовской семьи, пением птиц и плеском рыбы в реке, время от времени нарушали приближающиеся выстрелы.

— Охотники, мои друзья, — улыбался подвыпивший Кузнецов, симпатичный, с веселыми глазами человек в цветной льняной рубаше и белых парусиновых шортах. Когда он улыбался, на щеках его образовывались обаятельные ямочки. — Развлекаются, мерзавцы!

И снова улыбка, широкая, открытая, а перед мысленным взором сцены из его охотничьей жизни, подстреленные глухари и тетерева, рябчики, вальдшнепы, а то и кабанчики... Вот, мол, подождите, угощу адвокатшу с подружкой по-царски, освобожусь, найду время и присоединюсь к вам, мерзавцы!

Лиза сидела на траве, обхватив руками колени, и смотрела на воду. Не зря же говорят, что самое завораживающее зрелище — это когда смотришь на текущую воду, огонь или на то, как работает другой человек. Так вот, мне часто казалось, глядя на Лизу, что я вижу, как работает ее мозг, как выются, сплетаясь в сложный узел, ее драгоценные мысли в поисках верной версии. Работа мозга, как мне виделось, светилась в ее задумчивых глазах, в осторожном взгляде, который она бросала, казалось, в только ей ведомые пространства, в медленном повороте головы, словно лишь ей были открыты тайные ходы чужих мыслей, скрывающих злой умысел.

Со стороны могло показаться, что она с легкостью раскрывает запутанные преступления, будто одаренная волшебной интуицией. На самом деле она долго и тяжело работала над каждой версией, тщательно прорабатывая ее и проверяя.

Я же была лишь ее помощницей, ее правой рукой, человеком, со временем научившимся схватывать на лету ее идеи, версии, просьбы. Работать с ней было, с одной стороны, нелегко, хотя бы потому, что на ее фоне я сама себе казалась примитивным исполнителем, человеком без ума и без совести, поскольку мне платили незаслуженно много, с другой же — приятно и спокойно. Я никогда не замечала в Лизе признаков высокомерия по отношению ко мне, хотя знала, что мне до нее еще очень далеко в профессиональном

плане. И я тянулась к ней, училась ее ремеслу, набиралась опыта.

Думаю, что чисто внешне наш тандем смотрелся довольно-таки уморительно: стройная, изящная, светловолосая и всегда элегантно одетая Лиза и я — огненно-рыжая пышка, обожающая толстые просторные свитера, штаны, бесформенные балахоны и удобные ботинки.

На поляне, где мы мирно беседовали ни о чем после обильного и сытного ужина, состоящего из ухи, закусок и вина, появилась группа людей, сопровождаемая прекрасными охотничьими собаками: сеттерами, борзыми, спаниелями. Охотники-любители, те самые друзья нашего Кузнецова, которые, априори обещая быть веселыми и счастливыми в азарте своей забавы, в реальности оказались серьезными, напуганными бледными людьми.

Владимир Александрович, зная этих людей давно, сразу понял: что-то случилось. Он быстрым шагом приблизился к группе охотников и как-то инстинктивно, будто заранее оберегая своих гостей и семью от какой-то страшной правды, отошел с ними к зарослям ивы, оттуда мы с Лизой могли слышать лишь удивленные возгласы.

Кузнецов, слушая говоривших, то и дело бросал на нас Лизой быстрые взгляды, словно сожалел

о том, что мы не слышим прямо сейчас, из первых уст то, что внесло в этот тихий августовский день ощущение трагедии.

— Глаша, что-то у них стряслось, давай подойдем... Смотри, мужики бледные, лица вытянулись...

Кузнецов, увидев Лизу, как-то странно улыбнулся, будто извиняясь, и сказал, обращаясь к нам:

— Тут такое дело, Елизавета Сергеевна... Собаки трупы нашли... здесь, недалеко, на поляне... Наши. Сельские женщины: Надя и Валентина. Растерялись, конечно... Натоптали кругом... Вот, познакомьтесь, Елизавета Сергеевна Травина, мой адвокат, я тебе, Валера, говорил... Лиза, это Валера Варфоломеев, мой друг, фермер. Надя Карасева работала у него бухгалтером.

— Вызывайте группу, — сухо произнесла Лиза. — А вы, пожалуйста, отгородите место, где были обнаружены трупы. Никого туда не пускайте, собак привяжите...

В ожидании полицейских и прокурорских все выпили, закусили. Кузнецов отправил жену с детьми домой, мужчины, почувствовав себя спокойнее, принялись громко обсуждать случившееся.

— Просто не верится! Они две соседки, Надя и Валя! Молодые еще, симпатичные женщины, им бы жить, любить, рожать детей! А тут — убийство!

Лиза попросила отвести нас на место.

На залитой вечерним солнцем поляне, неподалеку от кустов дикой смородины, мы увидели два женских трупа, лежащих рядом, ровно. Обе покойницы были босы. Одна женщина была явно удушена, другая лежала как живая, и только из раны на виске вытекла и засохла кровь.

— Они одеты, не думаю, что изнасилованы, — предположила Лиза. — Хотя... Да, со следами здесь будут проблемы — кругом густая трава... Смотрите, видите, след как будто от велосипеда или от... Даже не представляю, что бы это могло быть... Тележка, тачка? Вероятно, их и убили здесь. Вряд ли преступник, убив женщин в другом месте, принес их сюда на руках, следов протекторов машины нет.

— Вы хотите сказать, Лиза, что их убили тут? — удивился Кузнецов. — Но для того, чтобы их здесь убить, надо было, чтобы они пришли сюда. Но каким образом их можно было бы сюда заманить?

— Ну, нас же с Глашей вы сюда заманили, — вдруг рассмеялась легким добродушным смехом Лиза. Я видела, однако, как напряжена она, как думает, размышляет, пытается представить себе, что произошло на самом деле. — Я не удивлюсь, если где-нибудь поблизости мы обнаружим следы пикника... А вы как думаете? По-моему, здесь довольно живописно, спокойно, река рядом. Эти женщины... Чем занимались? Я так поняла, что одна из них...

— Надя, — подсказал ей Владимир Александрович. — Надя Карасева работала у Валеры бухгалте-

ром. Понимаете, и Надя, и Валя были нормальными серьезными женщинами, то есть не вертихвостками какими-то.

— Они дружили? Были подругами? Что их объединял, помимо того, что они не были вертихвостками?

— Они соседки, и, как мне казалось, вполне ладили. Поселок наш небольшой. Все на виду, и если возникает какой конфликт, то это сразу становится известным. Понятное дело, что я далек от женских пересудов, но у меня жена... А она, как и любая другая женщина, любит немного посплетничать. Так вот, с ее слов я знал, что Надя Карасева вполне нормально живет... Да, она разведена. Они с Борисом Карасевым были хорошей парой. И один бог знает, как так могло случиться, что он ушел от Нади, которую любил, и женился на Соне, девушке из соседнего села — Докторовки. Поговаривали, что он сделал это, устав от безденежья... У нас здесь особенно-то работать негде, а у Сони этой отец умер и оставил ей в наследство большую ферму по разведению ондатр. Борис, женившись на Соне, заделался фермером, они и шапки шьют... Сейчас он успешен, богат, у них с Соней двое детей, но он, думаю, продолжает любить Надю, раз навещает ее...

И тут он словно очнулся, оглянулся. Легкий ветерок шевелил его поседевшие русые волосы. Он провел ладонями по лицу, вздохнул.

— Вот, елы-палы, так говорю о ней, будто это не она здесь лежит... Да у Бориса же сердце разорвется, когда он узнает, что Надя умерла. Удушили! Кто? За что?

— Говорите, Борис скучал по ней? Навещал? А он не мог убить ее из ревности, к примеру?

— Ой, Лиза, нет, что вы, что вы?! — замахал руками Кузнецов. — Это не такой человек... Я понимаю, то, что я рассказал о нем, его не красит. Брак по расчету, предательство по отношению к жене... Да, все это так. Но чтобы он ее убил?! А как же тогда Валя?

— Может, у него были отношения с соседкой? Что вы можете рассказать про Валю?

— Валентина Шинкарева — вдова. Овдовела не так давно, года два назад. Но быстро пришла в себя, не запила, как сделали бы многие на ее месте...

— А что, женщины у вас тут попивают?

— Как сказать... Выпивают... Да нет, это я не о Валентине. Просто у нас тут одна женщина тоже овдовела, правда, давно, в библиотеке работала, интеллигентная такая, Люба Загуменнова... Так вот, она после смерти мужа так тосковала, так страдала, ну ей наши местные бабы и помогли, стали наливать рюмку-другую... Ну а потом понеслось. Сейчас она и на женщину-то не похожа. Ходит чучело чучелом, пьет по-черному... Но я отвлекся. Валя Шинкарева. Вот уж действительно — ума бабе не занимать. Все, за что бы она ни бралась, получалось. Она коз держит. Наняла себе работника и поселила его на самой окраине поселка, этот па-

рень, кажется, его зовут Андрей, и пасет коз, и доит. Валя делает брынзу, сыр и отвозит в город. Еще гусями занимается, они там же, рядом с козами. Валя куда-то ездила, добывала эти драгоценные гусиные яйца, инкубатор купила, развела этих гусей и теперь поставляет их в город, в ресторан. Еще делает гусиный паштет, тушенку. И яйца продает...

Он остановился и посмотрел на лежащую в нескольких шагах от него мертвую женщину в нарядном платье.

— Не понимаю, как у кого-то поднялась на нее рука? Ей, кажется, разбили висок...

— Платье красивое, — заметила Лиза, разглядывая красные маки на белом шелке. — Явно не домашнее.

— А вот на Наде, обратите внимание, — сказала я, — домашний халат.. Я подумала, что если, к примеру, женщин бы сюда позвали, то вряд ли Надя пришла или приехала, как ты предполагаешь, на пикник, в халате...

— Какая странная история. Две женщины. С одной стороны, вроде бы благополучные, с другой — обе с неустроенной личной жизнью, я правильно поняла?.. — Лиза вопросительно взглянула на Кузнецова.

— Да, верно, обе жили без мужей. Что же касается личной жизни, ну, в том смысле, вы меня понимаете... то я не знаю, был ли у них кто или нет.

— И вот однажды их находят убитыми на окраине деревни...

— ...поселка, — поправил машинально Владимир Александрович.

Фермер Варфоломеев, высокий брюнет с вытянутым лицом и обвислыми щеками, который нервничал больше всех, поскольку погибла его работница, отозвал в сторону Кузнецова, и они зашептались.

— Елизавета Сергеевна, — Кузнецов вернулся к Лизе с другом, — Валера просит вас помочь разобраться в этом деле и готов оплатить ваши услуги.

— Да-да, пожалуйста... — Варфоломеев смутился. — Какая жуткая история... До сих пор не верится, что все увиденное — не кошмарный сон. Надя... Она была такая... живая, вы понимаете меня? Энергичная, молодая, умница, на нее всегда можно было положиться... Если вы согласны, то мы можем встретиться где-нибудь и поговорить. Все, что мне известно о Наде, я расскажу. Еще и жену свою спрашиваю, она у меня тоже многое знает... Все выясним, с кем встречалась, чем занималась в свободное время, ну все, понимаете?

— Хорошо, мы возьмемся за это дело, только вы поселите нас с Глафирой где-нибудь здесь, в Идолге... Ты как, Глаша?

Она улыбнулась мне, и я поняла, что мы точно останемся в Идолге и не уедем отсюда до тех пор, пока не соберем всю информацию об убитых. А это означало, что нам придется объяснять своим мужьям ситуацию и снова в который раз делать вид,

что мы как бы отпрашиваемся у них. Все это, конечно, страшно глупо, но что делать, если мужчинам так необходимо сознание того, что мы являемся чуть ли не их собственностью. Старая как мир игра, в которую мы добровольно играли.

Хотя на самом деле, несмотря на то, что и у Лизы, и у меня хорошие мужья и наши семьи можно назвать счастливыми, поскольку там царила любовь, мы иногда испытывали потребность уединения. Нам просто необходимо было иногда на время отдалиться от семьи, пожить своей какой-то уж совсем частной жизнью, заполненной, однако, работой. Эти желания объединяли нас с Лизой, и мы с головой погружались в очередное дело.

— Вы можете пожить в моем доме! — воскликнул Кузнецов. — У нас одно крыло пусто, там раньше жила моя сестра, но потом вышла замуж и уехала в Москву. Там хорошо, просторно, имеется отдельный вход. А Катя, жена моя, будет вас кормить. Думаю, условия просто идеальные! Не говоря уже о горячей воде и прочих удобствах!

— Мы согласны, да, Глаша?

Я кивнула. Перспектива пожить в деревне, в тишине, отдаваясь исключительно интересной и увлекательной работе, меня очень даже устроила.

Послышался шум моторов, на горизонте появились машины — полицейская, желтая, за ней еще две черные, прокурорские. Самым последним был

небольшой серый микроавтобус, скорее всего, с группой экспертов.

— Ну вот и все, Глашенька, — Лиза похлопала меня по плечу. — Работаем.

3. Племянница Ирина

Я не могу сказать, что завидовала Валентине. Это было какое-то совсем другое чувство. Когда завидуешь, то хочется, чтобы у тебя было все так, как у объекта твоей зависти. А мне совсем не хотелось быть похожей на мою тетю, да и образ жизни ее меня бы не устроил. Она встает с петухами и сразу же впрягается в работу. Утро у нее, пожалуй, самое трудное время. Ведь у нее огромное хозяйство: козы, гуси. Тому, кто никогда не бывал в деревне и не занимался живностью или птицей, не понять, насколько это муторно и ответственно. Ведь всех надо напоить, накормить. Проконтролировать дойку коз, затем целый день квасить молоко, делать брынзу, сыр, потрошить гусей, варить тушенку и паштеты...

Когда смотришь на Валюшу со стороны, то удивляешься тому, насколько все ее движения отработанны, она двигается, словно робот, а руки ее то по локоть в молоке или твороге, то в гусиной крови, то в тесте, то в грибах...

И лишь к вечеру она успокаивается, сначала полегит немного, иногда и поспит, а потом выпьет чашку кофе, выкурит сигаретку, нарядится и пойдет гулять по деревне. К соседке зайдет, Наде, там

посидит, поговорит, послушает подружку, да и дальше пойдет. Скучотища! Домой вернется, устроится уютненько перед телевизором, увязнет по уши в своих любимых сериалах, а там уже и спать пора. Взобьет подушечку, укроется теплым одеяльцем и на боковую. Тоска!

Нет, такая жизнь не для меня.

Во-первых, я не понимаю, как вообще можно жить без мужчины. Ладно без мужа, но любовника-то уже давно могла бы себе завести. Валентина у нас женщина красивая — светлые русые волосы, яркие синие глаза с черными ресницами, полная грудь, длинные ноги. Когда она идет по улице, все смотрят на ее грудь и бедра, которые покачиваются из стороны в сторону, но не вульгарно, а наоборот, аккуратненько так, сдержанно, но все равно так, что глаз не отвести. Нет, это я не про себя, конечно. Просто я знаю мнение мужчин, которые видели мою тетю. Ей всего-то тридцать пять. Но выглядит она гораздо моложе. А если бы не пахала как лошадь, так и вовсе сошла бы за двадцатипятилетнюю.

Да, я не завидовала ей, но как тогда объяснить чувство, когда начинаешь сравнивать свою жизнь с жизнью Валентины и понимаешь, что по большей части хотела бы все равно оказаться на ее месте? В городе у меня есть маленькая квартирка, доставшаяся мне по наследству от моей матери, родной сестры Валентины. Мою мать звали Клара. Она была антиподом Валентины: невысокая брюнетка с плоской грудью и кривоватыми ногами.

Возможно, моя бабушка родила ее от соседа-татарина, Рената. Но свечку никто не держал...

Так вот, я ненавидела свою квартиру. В ней всегда было холодно, неуютно, не прибрано и пахло тиной, болотцем. Разве что лягушки не квакали. А летом все стены и потолки казались серыми от огромного количества комаров. В жилищной конторе знали об утечке канализационных вод в подвал, однако ничего не предпринимали, словно ждали, что наш дом вот-вот рухнет...

Дом Валентины же после моей квартиры казался мне просто образцом порядка, чистоты и уюта.

Дом большой, с множеством комнат и солнечным застекленным чердаком, где тоже можно было спать, жить. Правда, Валентина хранила там старые вещи, матрацы, одеяла.

К примеру, поздней осенью, когда в городе еще не начали топить, в доме Валентины было тепло и даже жарко от новенького мощного котла и батарей.

А еще, находясь у Валентины, невозможно было остаться голодной. Холодильник ее был всегда заполнен вкусной едой, на плите тоже постоянно что-то варилось, булькало.

Ванная комната была вообще гордостью Валентины и нисколько не уступала городским.

Но главное, что мне нравилось, когда я приезжала к тетке, это ощущение полной защищенности. Ни дождь, ни буран, снегопад или метель — ничто не могло навредить дому. Наоборот, в жуткую непогоду, когда вся земля, казалось,

стонала под порывами ветра и сотрясалась от грома, находиться в доме Валентины было особенно приятно.

Зависть. Нет, не то. Не могу подобрать слова, чтобы объяснить свои чувства к ней. Понимаете, у нас с ней как-то сразу распределились роли: я была отрицательным персонажем, Валентина — положительным. Если верить Валентине, то во мне сконцентрировалось все плохое и даже отвратительное, что вообще может иметь отношение к женщине. Делать ничего толком не умею, неразборчива в связях, транжира, грязнуля и вообще глупая. Удивительно, что при всех моих недостатках моя тетя любит меня и помогает. Вернее, помогала. Все никак не привыкну, что ее больше нет.

Ее холодильник, тот, что в сенях, до сих пор набит баночками с гусиным паштетом. И мне не верится, что все эти паштеты, и козы, и дом, и деньги, и все-все, что раньше принадлежало Валентине и что было заработано ею, теперь мое.

И даже в полной тишине дома, в комнате, где я точно знаю, что никого нет, мне чудится звук ее тихих шагов, ее дыхание, шорох платья и даже аромат духов. Словно она еще где-то здесь, рядом со мной, следит за каждым моим движением (а может, и за мыслями?!) и думает: ну ничего себе, этой девице все свалилось на голову! В смыс-

ле, богатство. Да, я теперь богата. Но никто об этом не знает. Дом — да, счета в банке — да, гуси и козы — да, все это будет надлежащим образом оформлено на мое имя, поскольку я — единственная наследница. Но то, другое, что греет душу и заставляет мое сердце биться с удвоенной, а то и с утроенной силой, — об этом никому не известно. И если это всплывет наружу, если об этом кто-нибудь узнает, то мне конец.

Часто вспоминаю ее нравоучения. Ты, говорит, Ирка, порхаешь по жизни, как бабочка. И эта самая жизнь пролетит мимо тебя, оглянуться не успеешь. Много она знала о моей жизни. Ну да, серьезной уж меня никак не назовешь, это правда. Мужчин я люблю, вернее, они меня любят, и я редко кому отказываю. Особенно если мужчина деловой, серьезный, при деньгах. Он и в ресторан сводит, и цветы подарит, и комплименты скажет, и будет весь такой вежливый-вежливый. И кто виноват, что почти все те, с кем мне приходилось иметь дело, женаты? Пусть женаты, зато рядом с ними не чувствуешь себя одинокой. А вот Валя была одинокой. И когда я приезжала к ней, она радовалась искренне, я это чувствовала, и это потому, что ближе меня, как я думала, у нее никого не было. И пусть мы с ней ругались и она сильно обижала меня, особенно в те моменты, когда учила жизни, но все равно мы любили друг друга, поддерживали и, как

бы нас жизнь ни била, мы оставались родными людьми.

Понятное дело, что сблизились мы после смерти Егора, мужа Вали. Вот была пара — загляденье! Всегда вместе, видно, что были счастливы. Она прямо-таки сияла рядом с ним, а он — рядом с ней. И тогда многие им завидовали. Вокруг почти все мужики пьют, а Егор мало того что не пьет, еще и работает много, каждую копейку несет в дом. Это он отбирал и покупал коз, разводил гусей, научил Валюшу делать паштеты, нашел покупателей-рестораторов...

Он погиб неожиданно, как это всегда бывает, когда из жизни уходит молодой человек. Был май, все распускалось, Идолга со своими садами напоминала настоящий цветущий рай. Егор возвращался из города на машине, не справился с управлением и врезался в столб. Валя говорила, что у него сердце, что ли, прихватило и что он отключился еще в машине, то есть умер.

Хоронили Егора всей деревней. Валентина, во всем черном, была так торжественна и красива, что все смотрели, как мне тогда показалось, только на нее. Вероятно, ждали от нее истерики, но она была сдержанна, стояла возле могилы с белым лицом...

Истерика была уже дома, когда ее никто, кроме меня, не видел. Она так рыдала, что, казалось, еще немного, и ее сердце не выдержит, разорвется.

Я успокаивала ее, как могла, держала в своих руках, как в кольце, жалась щекой к ее щеке и тоже тихо плакала. Так жаль ее было. Вот тогда-то она

и сказала мне, мол, Ирка, только ты у меня и осталась. Не бросай меня. Я и не бросила. Приезжала к ней. И хотя потом-то она все равно упрекнула меня, что я приезжала к ней из-за денег, но деньги-то она сама мне давала, я не просила. Просто приезжала, рассказывала о своей жизни, и она понимала, что у меня в кармане ветер гуляет, что нечем заплатить за квартиру, что скоро электричество отключат. Не говоря уже о том, что мне просто нечего было есть. Ты, говорит, Ирка, живешь неправильно. Тебе не продавщицей надо работать, а пойти учиться, как все нормальные девушки твоего возраста. Но кто виноват, что у меня нет способностей и что я неусидчивая такая. Знаю, что, если и поступлю куда-нибудь на коммерческое отделение, все равно учиться не буду, что не найду в себе силы ходить на лекции, тем более что я уже пробовала, и у меня ничего не получилось: я за компанию с моей подружкой Сашкой поступила на философский факультет университета. Думаю, что нас с ней приняли исключительно из-за того, что в городе и области нашлось слишком мало желающих поступать на этот факультет. Философия — что это такое, я до сих пор теряюсь в догадках. Это как космос... И за это деньги не платят в отличие от профессий, связанных с экономикой, туризмом, психологией...

Я в первый же месяц закрутила роман с одним из преподавателей. Видный такой, серьезный дядечка, он так долго смотрел на меня во время лекции, а потом, в конце, сказал, чтобы я задержалась.

Ну, я и осталась. Он вежливо так и на полном серьезе сказал мне, что хочет, чтобы я подготовила какой-то там доклад о Канте, и для этого он готов был дать мне одну редкую книгу, которой нет в читальном зале университетской библиотеки. Мы договорились встретиться с ним в центре, я пришла вся такая нарядная, в духах и туманах... Книжку он мне, конечно, принес, но мог бы и не приносить, все равно весь вечер мы провели у меня дома, ели купленные им пирожные, пили шампанское. Он оказался ну просто каким-то извращенцем, я еще подумала тогда, все они, что ли, преподаватели с такой богатой фантазией. И все бы ничего, ко всему можно приспособиться, если бы не его противные звонки жене, он врал ей на моих глазах, противно гримасничая, что у него сломалась машина, что он ждет, пока ее починят в мастерской...

Сентябрь был теплый, солнечный, и я стала прогуливать лекции, а потом и вовсе бросила университет. Работала где придется, встречалась с мужчинами, тянула с них деньги и, если ничего не выходило, тут же бросала их.

Однажды, примерно через пару недель после похорон Егора, я проснулась в чужой квартире и поняла, что совершенно не помню, где я и как зовут огромного волосатого мужика, что спит рядом со мной. Квартира была так себе, с обшарпанными обоями и грязными окнами, на полу валялись пустые бутылки и поднос с остатками ужина. Постель тоже была какая-то несвежая, серая, чужая. От мужика несло перегаром. Я выскользнула

из-под одеяла и сразу же замерзла. Собрав одежду, заперлась в ванной комнате. Взглянула на себя в зеркало и ахнула: косметика размазана по лицу, под глазами припухлости, волосы торчат в разные стороны... Открыла кран с горячей водой, но оттуда шла только ледяная... Мыло ядовито-розового цвета с налипшими черными короткими волосками... Я умылась, оделась и сбежала оттуда. До сих пор не могу вспомнить, где была и с кем... Приехала домой, хотела помыться, но и у меня тоже отключили горячую воду. Решила выпить кофе — в буфете ни грамма кофе, ни пакетика чая. Ни хлеба, ни варенья, ничего! И тогда я вышла из дома, села на автобус, добралась до вокзала и оттуда уже на электричке доехала до Идолги. Подошла к дому Валентины и испытала какое-то облегчение, словно я вернулась домой. Словно это мой дом. Вот такое странное чувство. Будто заранее знала, что когда-нибудь этот дом на самом деле станет моим. Тетки дома не было. Но я знала, где она прячет ключи. Открыла, вошла и сразу же включила бойлер. Вода нагрелась моментально. Горячий душ, чистые полотенца, вкусная пшенная каша с тыквой и огромным количеством сливочного масла и сахара, крепкий чай!

...Валя, Валентина. Думаю, она сейчас еще где-то в доме. Ходит по комнатам, ищет меня. Я слышу, как скрипят половицы. А что, если она набро-

сится на меня и задушит? Вот так люди и начинают верить в призраков.

Господи помоги, господи помоги... Господи, спаси и сохрани.

4. Глафира

К тому времени как с поляны, где были обнаружены трупы женщин, разъехались все машины, тут собралась чуть ли не вся деревня. Сначала односельчане просто стояли молча, шокированные событием, потом, словно им дали отмашку, ожили, задвигались, заговорили. Сгруппировавшись по только им известным признакам, разговаривали, выдвигая одну версию за другой: кто и за что мог убить женщин.

Лизе удалось побеседовать с прокурором района, следователем, которому было поручено вести дело, поговорила она и с судмедэкспертом. К моему удивлению и нескрываемой радости, я поняла, что фамилия моей подруги производит должное впечатление на представителей правоохранительных органов. «Елизавета Сергеевна Травина», — сухо представлялась она и полицейским, когда ей надо было выяснить что-то, а заодно наладить контакт, и прокурорским работникам. Поскольку все это были мужчины, то и рассматривали они Лизу по-мужски, пристальными взглядами, дерзко задерживаясь на обтянутой тонкой трикотажной блузкой груди, округлом задке Лизы и длинных стройных ногах в белых льняных шортах. Они

и понятия не имели, как это известный в области адвокат, невероятная и непостижимая Лиза Травина, о которой ходили легенды, могла оказаться в деревне Идолга. Да еще и на месте преступления. Какие отношения связывают ее с Владимиром Кузнецовым? И что здесь, в этой компании, делают деревенские охотники?

Лиза осталась с Кузнецовым на поляне, чтобы с его помощью познакомиться и побеседовать с потенциальными свидетелями, задать им вопросы, записать их имена, адреса, номера телефонов. Со всем этим нам потом предстояло работать.

А меня отправила в соседнюю деревню Докторовку в компании Валерия Варфоломеева, работодателя Надежды Карасевой, подогнавшего к поляне свой джип. Следовало немедленно встретиться и поговорить с бывшим мужем Надежды. Причем сделать это желательно до того, как с ним встретится следователь.

Когда я садилась в машину, не могла не заметить, что все вокруг стало малиновым, сверкающим, прекрасным. Словно природа решила предзакатными красками напомнить собравшимся в этот трагический час людям, что не все так гадко, отвратительно и страшно. Что существуют солнце и запахи теплых трав и цветов, что поблизости протекает река, в которой плещется рыба. Но люди не понимали этого. Все они, деревенские жители, давно уже привыкли к этим красотам, а потому

просто не замечали вокруг себя ничего. Сейчас их всех волновало только одно: кто убийца? И не находится ли он среди них.

Мы с Варфоломеевым были первыми, от кого Борис Карасев, бывший муж Надежды Карасевой, узнал о ее смерти.

Ничего не подозревая, он, розовощекий крепыш с умными карими глазами, в рабочем синем комбинезоне и клетчатой рубашке, встретил нас у калитки и пригласил войти во двор, скорее напоминавший небольшой яблоневый садик с новенькой деревянной беседкой.

— Проходите, коль не шутите, — он пропустил меня вперед и усадил за чистый стол в беседке. — Валерий Петрович, милости просим. Жены дома нет, но я могу быстро организовать соленые грибочки, водочку... У меня и рыбка жареная есть, а?

— Борь, привет, — нахмурился Варфоломеев. — С Надей беда.

Я поняла, что он сразу произнес имя бывшей жены Карасева, чтобы тот не успел, заметив скорбное выражение лица Варфоломеева, предположить, будто беда приключилась с его нынешней семьей, с детьми.

— Что? Что случилось? — Взгляд Бориса заметался. Он смотрел то на меня, то на Варфоломеева. И сразу побледнел. — Она жива?

— Нет, Боря. Ее убили. Поэтому мы здесь.

И Валерий Петрович обстоятельно, стараясь не смотреть Карасеву в глаза, рассказал все, что знал о смерти Надежды.

— Это помощник адвоката, Лизы Травиной, — Глафира. Она должна задать тебе вопросы до того, как к тебе понаедут люди из полиции и прокуратуры. Травина по моей просьбе будет вести альтернативное расследование. О деньгах не беспокойся, мы все оплатим. Ты не представляешь себе, как я хочу узнать, кто же сделал все это с ними, нашими бедными бабоньками. И я узнаю, мы... — он с надеждой посмотрел на меня, — мы узнаем.

Тактичный Варфоломеев оставил нас за столом и пошел прогуляться по саду.

— Ее изнасиловали? — спросил меня Карасев. Во взгляде его было столько боли!

— Предварительный осмотр показал, что насилия не было. Но это убийство. Надежду удушили. Руками. Возможно, удастся обнаружить отпечатки пальцев на ее шее и определить, кому они принадлежат. Скажите, Борис, когда вы в последний раз виделись со своей бывшей женой? И вообще, какие между вами существовали отношения?

— Надя... Господи, да как же такое возможно?! Надя... Я-то думал, что когда-нибудь она простит меня, а она взяла да и ушла. Вы ничего не знаете, вы человек новый, а так бы знали, что я ушел от нее, бросил... Встретил Сонечку... — Он тяжело вздохнул. — А-ах... Чего теперь вздыхать, когда

ничего уже не вернуть. Предал я ее, понимаете? Устал сидеть без денег, без работы. Попивать начал, да вовремя остановился. За мной Соня бегала, звонила, записки через подружку передавала, мол, давай встретимся. С Надей-то мы тогда поспорились, она упрекнула меня в том, что я ничемный человек, ничего-то не умею, денег не зарабатываю, ну я и поехал сюда, в Докторовку, на свидание с Соней. А она, знамо дело, моложе меня, совсем юная, вся из себя блондинистая, нежная... У нее отец как раз недавно помер, все говорили, что ферму ондатровую на нее записал, мол, богатая невеста, кому-то повезет, ну и все такое, народ у нас охоч языки почесать. Ну, я и пришел к ней, да тут и остался... Она мне блины-котлетки, ласковая такая, да еще и забеременела сразу, а я так детей люблю, вот я и развелся с Надей, женился на Соне.

— Надя была бесплодной?

— Это я сделал ее бесплодной. Скотина! — Борис ударил себя в грудь кулаком, и вышло у него это совсем по-киношному. — Заставил пойти на аборт. Говорю же — скотина!!! Кругом виноват... Всегда чувствовал свою вину, потому и ходил к ней, старался помочь. Да и вообще она продолжала быть для меня родным человеком. Вот так-то вот.

— Когда виделись в последний раз с Надей? — повторила я свой вопрос.

— На прошлой неделе.

— Как проходили ваши встречи? Вы наверняка многое о ней знали: как она жила, с кем встречалась? Проблемы?

— Знал, что живет она одна и, слава богу, хорошо, сыто. Во-первых, она вот у Валерия Петровича на хорошем счету была, бухгалтером у него работала. Получала нормально. Да и я ей подбрасывал. И деньги, и продукты привозил, деликатесы разные. В прошлом году шубу купил... — последние слова произнес, давась слезами.

— А она как к вам относилась?

— Точно сказать не могу, в смысле, любила или не любила, но с уважением, это точно. Я всегда ей предварительно звонил, предупреждал о своем приезде, так она всегда стол накроем, буженинку порежет, какую я люблю, она сама ее делала, с чесночком. Ну, водочку, это уж само собой. Пирожки там... Это я к тому, что ждала она меня, понимаете? Почти как мужа ждала.

— Близкие отношения между вами были?

— Чего скрывать — были, — он быстро оглянулся, как бы его не услышал Варфоломеев. — Нечасто, конечно. Иногда я приеду, а у нее эта, Валя, соседка... Господи! — Он перекрестился. — До меня только что дошло, что и ее тоже порешили! Вот изверги! Так она, Валя-то, как чуяла всегда, что я пришел, тоже раз — и заглянет вроде бы как на огонек, вот, мол, и я, не ждали никого... Извините.

— Думаете, она делала это нарочно?

— Иногда казалось, что нарочно, а сейчас вот подумал: нет, не нарочно. Понимаете, она же тоже

баба одинокая, к кому еще зайти, как не к такой же, как сама? Они дружили — моя Надюша и Валька. Думаю, она и без меня частенько заходила, почти как к себе, понимаете?

— Надя никогда не жаловалась, что у нее проблемы на работе? Все-таки с деньгами дело имела.

— Нет, никогда ничего такого не говорила. Она вообще-то очень аккуратная в этих вопросах была. Ни одной бумажки, ни одного документа, в смысле не прочитав, не подписывала. Ничего такого, что могло бы ей навредить, не сделала бы и на себя бы не взяла. Думаю, вы понимаете, что я имею в виду, — и тут он снова покосился на бывшего начальника бывшей жены, который, присев под яблоней, курил в задумчивости.

— Борис, скажите, кто и за что, по вашему мнению, мог убить Надю?

— Никто и ни за что, вот что я вам скажу. Врагов у нее не было. Характер она имела золотой. Ни с кем не конфликтовала.

— У нее, кроме вас, никого не было?

Лицо Бориса Карасева порозовело.

— Сказать откровенно, я не в курсе. Но, возможно, кто-то и был. Звоню ей, а она отказывается принять меня, говорит, что занята или в городе. Ну чем уж таким она может быть занята, что не пустит меня. Не знаю... Может, завелся кто, мужчина? Но у нее никто не жил, это я точно знаю. Ни зубной щетки, ни бритвы, ни мужских тапок, разве что мои, старые, так я их и надевал, когда приходил к ней. Вы же понимаете, когда мужик в доме, все

равно что-то да бросится в глаза, какая-нибудь мелочь. Так вот, у нее никто не жил. Она жила одна. Но может, кто-то и похаживал. Да только не из местных.

— Почему вы так думаете?

— Да потому, Глафира... не знаю, как вас там по батюшке..

— Григорьевна, но это неважно...

— Да потому, Глафира Григорьевна, что если бы кто из местных, так не смолчал бы, поделился с другом, а там уж и распространилось бы по всей Идолге. Стыдно сказать, но наши мужики еще не научились держать язык за зубами. И уж если бы кто из них захаживал к моей Надюше, вся Идолга бы знала.

— А если бы кто из чужих к ней приезжал, молчали бы?

— Если к ней ночью кто придет, так кто увидит-то, кроме Валентины? Дома-то у них на окраине, возле леса, а там и дорога проходит.

— Понятно. Скажите, если бы ее кто позвал туда, на поляну, где их и нашли, она бы пошла? Как вам объяснить...

— Да понял я, понял. В смысле, не легкомысленная ли она была? Легкая на подъем, это точно. И с Валюшей могла бы пойти. А почему бы и нет? Может, позвали их какие залетные, городские орлы, на пикничок... Не знаю. Разве могли они предполагать, чем все закончится?

— Вы поймите, их убили. Не изнасиловали, но убили. Может, они знали чего?

— Может, и знали. Или увидели. Потому что сами-то они были прекрасными женщинами, и убивать их никакого резону нет. И как же это получилось: убили и бросили на поляне? Могли бы закопать, я так понимаю...

— А что можете сказать о Валентине?

— Трудяга, вот что я могу сказать. Жаль Валю, муж ее, Егор, погиб и оставил ее одну со всем этим хозяйством... Баба в соку, красавица, так к ней сразу и повалили женихи чертовы, алкаши местные. Ну, она их, конечно, отбрила. На кой они ей, когда у нее и так все хорошо. А уж друга для сердца или еще для чего можно найти и получше, чем наши местные ханурики.

— Они на самом деле дружили между собой — Надя и Валя? Или, может, иногда бывали конфликты? Между соседями, знаете ли, не всегда все гладко бывает. То за сантиметр земли готовы судиться, то требуют дерево спилить, которое тень дает на грядки... Сами же знаете.

— Нет-нет, они ладили между собой, были как сестры. Ничего такого припомнить не могу. Валя, она безобидная, хорошая женщина.

— Спасибо вам, Борис. Вы мне очень помогли. Если можно, позвольте, я запишу номер вашего телефона. А вот вам и моя визитка. Если вспомните чего, звоните. Думаю, вам не надо объяснять, что для нас сейчас каждая деталь важна.

— Понимаю. И буду вам очень благодарен, если вы найдете убийцу.

В целом Борис Карасев произвел на меня благоприятное впечатление. Конечно, по отношению к своей бывшей жене он поступил подло. Но не мне его судить. Он и сам все понимает и страдает. Иначе зачем бы навещался к бывшей жене? Я была уверена, что он просто продолжал любить Надю и приезжал к ней, чтобы она увидела его в новом качестве успешного предпринимателя, состоявшегося человека, мужчины, твердо стоявшего на ногах. Я даже представляла себе их свидания, первые минуты его пребывания в некогда их с Надей доме, когда он сначала обнимет ее, поцелует, а потом небрежно так говорит, вот, мол, тебе, Надюшка, денег немного, и тут в сумке кое-что, посмотришь после...

А что, интересно, испытывала при этом сама Надежда? Думаю, ей было горько осознавать, что Борис теперь принадлежит другой женщине и что это с ней он завел детей, и это с ней он ужинает вечером и ложится спать, чтобы потом рядом с ней проснуться... Что у них — семья.

Валерий в машине продолжал вспоминать Надежду, строил различные версии случившегося, а когда машина остановилась перед воротами дома Кузнецова, сказал с тоской:

— Э-эх, проморгал я Надюшу. Все хотел ей признаться в своих чувствах... Будь я посмелее... Ну да что теперь говорить... Вместо свадебного букета цветы на могилу положу, дурак.

5. Людмила

Вот говорят, что любовь — это химия. Я не знаю, химия это или физика, но боль она причиняет страшную, невыносимую. Человек не знает, что творит, ведет себя как безумный, совершает одну ошибку за другой, причем ошибки, как правило, непоправимые. Я читала одну книгу, роман, там еще эпиграф такой имеется: «Всем погубленным страстью посвящается». Так вот, это книга для меня. Может, не про меня, но для меня, это точно. Потому что все эти истории, которые собрали под одной крышей романа, мне понятны. И я готова подписаться под каждым словом, мне близки мотивы поступков. Книга о том, как нормальные женщины, из благополучных семей, поддавшись этой самой химии под названием «страсть», оставляют свои семьи, бросают своих детей (!!!) и уходят в свободное плавание с мужчиной. И чаще всего мужчина недостоин этой женщины. Потому что нормальный мужчина никогда не станет разрушать чужую семью, разлучать любимую женщину с ее ребенком. И ведь все кругом понимают, что совершается тяжкий грех, что женщина летит в пропасть, и никто, никто из близких и друзей не протянет руку помощи, не спасет, не подхватит. Все только осудят, заклеят.

Вы, наверное, думаете, что я вся такая из себя правильная, что мне хорошо видно со стороны, кто и в какую пропасть летит, но на самом деле

это не так. Я-то сама уже прилетела, опустилась на самое дно, ниже уже лететь, точнее, проваливаться, некуда. Мой муж, которого я обманывала, уже в земле. Я похоронила его на днях. И слезы, которыми я поливала его гроб, вы не подумайте, самые настоящие. Гера был хорошим человеком и, как мне думается, любил меня. Конечно, чувства наши давно угасли, как это бывает в долгом браке, но мы хотя бы уважали друг друга. Ну, или создавали видимость уважения, что тоже неплохо. В сущности, он никогда ни в чем мне не отказывал, зарабатывал деньги, а я тратила. Я понимала, что у него есть какая-то другая, мужская жизнь, но старалась об этом не думать. Если бы я страстно любила его, то его долгие отлучки, командировки были бы восприняты мной как трагедия. Однако в его отсутствие я не особо-то и страдала. Отдыхала даже, можно сказать. Но когда он возвращался, я всегда встречала его, как и подобает хорошей, верной жене. Приготовлю, бывало, ему ванну с горячей водой, чистую пижаму, накрою на стол, налью коньячку и все такое. Мне казалось, что он будет со мной всегда, до самой смерти. Мы привыкли друг к другу, порой мне хотелось даже рассказать ему о своих женских горестях, любовниках, да-да, это так! Конечно, я не делала этого, но все равно мы были с ним близкими, родными людьми. И когда он умер, я прямо рыдала! Честно. Никак не могла взять себя в руки, мне казалась невыносимой мысль, что его больше нет. Что вечером я не услышу знакомое позвякивание

ключей и звук шагов в передней. Пусть мы давно перестали с ним... Короче, мы не испытывали друг к другу никаких чувств, но это не мешало нам проводить вечера вместе, ужинать, разговаривать о том о сем. Когда он болел, я лечила его, ставила ему горчичники, натирала поясницу мазями, когда его скручивало, даже выстригала ему из ушей волоски. Говорю же, мы были близкими людьми.

Когда он лежал мертвый в гробу, мне казалось, что я вижу кошмарный сон, что вот сейчас я проснусь и услышу его мерное дыхание или легкий храп. Гера никогда громко не храпел.

И я до сих пор не могу понять, как так могло случиться, что в первую же ночь после похорон я напилась и устроила истерику, я кричала и плакала, смеялась и танцевала, я сама не могла понять, что со мной случилось, и не знала, как мне реагировать на то, что произошло. Умер мой муж, исчез Сережа, а я хохочу во все горло, должно быть, я сошла с ума!

Возможно, так выразился мой протест против смерти, словно она была совсем близко, но не заметила меня, когда размахивала своей страшной косой.

История вышла совершенно дурацкая. И началась она в салоне красоты, где мне обожгли лицо и грудь. Когда я вышла из солярия, мне показалось, что земля уплывает у меня из-под ног,

а когда я подошла к зеркалу, сразу поняла, что случилось. Я была красная как рак! А еще пекло одно веко. Вроде бы я в этом соляриумном гробу лежала ровно, непонятно, как такое вообще могло случиться, что у меня обгорело одно веко. Я бросилась к хозяйке салона, ворвалась к ней, как фурия, показала ей на мое лицо, но, думаю, она, увидев меня, и так все поняла. Окаменела вся, смотрела на меня и прикидывала, думаю, ту сумму, которую она готова выложить, лишь бы я не поднимала шум. Но мне было наплевать на то, что мы с ней в последнее время стали почти подругами. Я кричала на нее, топала ногами, а одевшись, пулей вылетела из салона и помчалась в прокуратуру, благо она была за углом. Как во сне писала заявление, в котором изложила всю правду, что, мол, такого-то числа, во столько-то я посетила солярий в салоне и сразу же почувствовала себя плохо. Что у меня сгорели лицо, грудь и глаз! И только после того, как я разрядилась там, в тихой, наполненной чужими страхами и надеждами прокуратуре, я вышла на свежий воздух, провела рукой по своему пылающему лицу и поняла, что теряю сознание... Я едва добралась до больницы, откуда меня на «Скорой помощи» направили прямиком в ожоговый центр, где и поставили диагноз: «ожог ультрафиолетовыми лучами лица и груди». Разве могла я тогда думать о том, что на даче меня дожидается Сергей. Да я вообще забыла о нем! Вернее, где-то внутри я понимала, что как будто выпала на время из реальности, что могу

стать калекой, и вот когда я думала об этом, то представлялся мне именно Сережа, его удивленный взгляд, его потрясение, когда он увидит мою красную рожу!

Я пришла в себя в больнице, не в том смысле, что была без сознания, а потом очнулась, нет, просто я пришла в себя и поняла, что пропустила свидание. Что Сережа, возможно, до сих пор ждет меня на даче. Я порылась в сумке и поняла, что оставила в солярии свой телефон. Позвонила туда, попросила девушку Марину из солярия, которая, кстати сказать, и сделала меня инвалидом, чтобы она разыскала мой телефон и срочно привезла мне. Она приехала, я спокойно сказала ей, что ее ждет тюрьма, что она дура, после чего взглянула на телефон, в полной уверенности в том, что там пятьдесят пропущенных звонков от моего любовника, и была разочарована отсутствием вызовов! Получается, что он мне не позвонил. Сказать, что он такой уж обидчивый, я не могла, мы с ним встречались к тому времени целый год, и я более-менее знала его характер. Он приехал, подождал меня и что? Почему не позвонил? Странно, подумала я. Он знает, что я на машине, а вдруг со мной что-нибудь случилось? Тогда я сама решила позвонить, но ответом мне была полная тишина. Я начала злиться. Мне и в голову тогда не могло прийти, что случилось что-то с Сережей, не говоря уже о моем муже! И разве могла я тогда представить, что после этой истории с солярием я окажусь в настоящем аду!

Да, все указывало на то, что Сережа виноват, что это он все сделал, что это из-за него умер Гера и что это он украл деньги, но я не могла в это поверить, вот не могла, и все!

Вы просто не знаете его. Он не такой человек. Он не альфонс, как это могло бы показаться на первый взгляд. Он очень милый и сентиментальный человек. Когда я с ним познакомилась, он работал продавцом в одном маленьком парфюмерном магазине. Он мог часами рассказывать мне о духах, он вообще считал, что запахи оказывают громадное влияние на настроение человека. И он по запаху может определить характер женщины, ее темперамент и все такое. Он не был совсем уж беден, но и не богат, это факт. Вы не видели его, а если бы увидели — высокий красивый блондин с зелеными глазами и длинными ресницами, — то поняли бы, что этот человек просто не способен на подлость и тем более на воровство. Да, в нем маловато мужественности, но зато какой он нежный, ласковый. Да любая женщина отдала бы половину жизни, только бы быть с ним...

Я была у него дома. Скромная обстановка, но как чисто. В ванной комнате на полочке — флаконы с духами, одеколонами. А в шкафчике целую полку занимают куски мыла. Прямо коллекция! И полотенца чистейшие, пушистые. Сережа...

Меня много раз спрашивали, куда он исчез. А еще следователь интересовался тем, в каких мы

были с Сережей отношения. Как будто и так непонятно. Тем более что мой телефон проверили, а там миллион наших с ним звонков. Ну и что? Я действительно часто звонила ему, а он — мне. Мой муж никогда бы не стал проверять мой телефон, поскольку я никогда не проверяла его два телефона. Мы с ним как-то молча об этом договорились еще сто лет тому назад.

Номер телефона, как выяснила полиция, принадлежал Сергею Гаранину. Все правильно. Сергей Гаранин — мой любовник, и что с того? И почему я должна знать, где он находится? Да я бы даже заплатила, чтобы это узнать. Исчез он.

Да, на даче полно отпечатков его пальцев. Да, на даче нашли труп моего мужа. Причем как раз в тот день, когда у меня там была назначена встреча с Сережей. Но, во-первых, о нашем свидании никто не знал. Во-вторых, мало ли кто и где оставляет свои пальчики? Как же на даче не быть отпечаткам пальцев Сережи, когда мы часто бывали там, он же не мог находиться постоянно в перчатках!

Следователь Русаков рассказал мне, да я и сама увидела (ведь это же я нашла Геру на полу на даче!), что сейф, который был так наивно спрятан мужем за картиной в спальне, открыт и, главное, пуст. Но откуда мне знать, сколько там было денег? Друг Геры, Володя, сказал, что Гера собирался в тот день покупать какой-то пруд, чтобы разводить карпов. Причем не только пруд, но и небольшой участок леса рядом с ним. Володя дал показания, из которых следует, что все это природное богатство стои-

ло всего лишь два миллиона рублей, что для моего мужа нормальная сумма. Я вполне могу поверить, что эти деньги он хранил в сейфе, но Сережа к их исчезновению просто не может иметь отношения. И тот факт, что его не могут найти, еще не свидетельствует о том, что он виновен. То, что у нас на даче есть сейф, Сережа не знал. Во всяком случае, я ему об этом никогда не говорила. А кто еще мог ему об этом сказать? Ну не Гера же! Это полный бред. Вот и получается, что Сережа мог находиться на даче в ожидании меня, а в это время туда приехал Гера. Предполагаю, что Сережа, заслышав шум мотора и выглянув в окно, понял, что это не я, предположил, что это мой муж, а потому единственное, что он мог сделать, это спрятаться где-нибудь в доме. Может, за портьеру, они там у нас тяжелые, плотные. Или даже в шкаф. Или под кровать. В этой ситуации любое укромное место могло его спасти. Вероятно, он спрятался, Гера стал открывать сейф, чтобы забрать деньги, и вдруг появился кто-то еще — третий. Вор. Человек, который знал, что Гера поехал за деньгами. Не исключая даже, что это был Володя Тимонин, друг Геры. А что, мир сошел с ума, все вокруг врут и предают друг друга. Сережа это увидел, испугался, что его обвинят в краже, и потом просто убежал. А уж когда с Герой случился сердечный приступ, сейчас трудно сказать. Скорее всего, тогда, когда на него напали, хотя судмедэксперт в своем заключении написал, что никаких признаков того, что на него напали, не было. Ни ссадин, ни уши-

бов, ни следов ударов. Да преступник мог просто направить на Геру пистолет или показать нож, и сердце Геры не выдержало. А что, вполне такое допускаю. Словом, на него никто не нападал, просто он увидел, к примеру, как его лучший друг забирает деньги из сейфа, и умер от разрыва сердца!

Понятное дело, что к следователю со своими подозрениями я не пойду. Володя всегда представлялся мне положительным человеком и верным другом. Они дружили с Герой много лет, и никогда тот не был замечен в непорядочности. Да и деньги у него есть, поэтому рисковать своей честью, репутацией и свободой он вряд ли стал бы. Значит, кто-то другой. Но, повторяю, это не Сережа.

Господи, помоги ему, не дай пропасть.

А ты, Гера, не осуждай меня, если наблюдаешь за мной сверху. У тебя была своя жизнь, и я тебе не мешала, а у меня своя. Ты можешь мне не поверить, но я любила тебя. Правда.

Как же называется та песня, которая так нравилась Сереже... Вернее, имя певицы? Все никак не могу вспомнить. Она, судя по голосу, молодая, но голос этот с приятной хрипотцой, очень сексуальный и одновременно веселый. Такое короткое имя... Я вспомню, я обязательно вспомню.

6. Лиза

Опустившаяся женщина — страшное зрелище. Ее глаза — как два мутных омута, где на самом дне она утопила свою жизнь. И что самое ужасное, этот

процесс необратим. Уже никогда ее кожа не станет упругой, щеки не порозовеют, а глаза не заиграют веселым блеском любви к жизни. И волосы, превратившиеся в седую свалывшуюся паклю, не станут шелковистыми, здоровыми. А ведь она не старая, эта Люба Загуменнова. Ей от силы сороковник.

Она сидела на крыльце и курила. Худенькая, сдвинув аккуратно ноги, обутые в старые калоши. Колени прикрыты темной юбкой. На плечах — потрепанная и изъеденная молью пуховая шаль. Мое воображение за несколько секунд проделало ни с чем не сравнимую работу: время волшебным образом прокрутилось назад, превратив пьянчужку-соседку Любку в молоденькую, со свежим личиком и сочными губами библиотечаршу Любовь Загуменнову...

— Что, пришли на меня посмотреть, на старую калошу Любку?

Все вернулось в реальность, и я тряхнула головой, чтобы сбросить с себя наваждение. Такие игры собственного воображения порой пугали меня.

Полуденное солнце позолотило крыльцо Любкиного дома, разросшийся куст шиповника с красными и розовыми восковыми ягодами, серый покосившийся забор, треснутое стекло в окне дома. Выбившаяся из-под непонятной беретки седая прядь волос и то показалась золотой.